

ISSN 0131-6095

Русская литература

4

2019



Российская Академия Наук



Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук



Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2019

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. И. Еремина, Т. Г. Иванова. Особенности текстологии былин в «Своде русского фольклора»	5
Д. М. Буланин. На пути к академической «Истории русской литературы» (оригинальные идеи из наследия В. М. Живова)	16
Н. П. Генералова. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «Конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бени)	29

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Б. Бильдюг, Н. Г. Комелина. Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря	52
Н. Ю. Алексеева. Из наблюдений над развитием русской поэзии середины XVIII века	63
Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. «После шестилетней разлуки»? (к вопросу датировки «Путевых записок 1847 года» В. Ф. Одоевского)	67
С. Н. Гуськов, И. А. Гончаров, П. А. Валув и кампания всеподданнейших писем 1863 года	72
С. Д. Снигирева. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	81
С. А. Кибальник. Записные книжки писателя и интерпретация литературного произведения (на материале творчества А. П. Чехова)	91
Н. Ю. Грякалова. «И мнилась мне Российская Венера...»: к источникам и интерпретации одного блоковского образа (по материалам библиотеки А. А. Блока)	95
Ван Цзунху (КНР). Национальный фактор и культурный код русского авангарда	102
Новонайденные письма М. А. Волошина: к истории «острой дружбы» с М. С. и М. О. Цетлиными (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Г. В. Петровой)	107
На развалинах бытия (В. В. Розанов и П. П. Перцов в последний год переписки) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	113
С. П. Довгелло. Три осокоря (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)	134
В. В. Филичева. Неопубликованные переводы Д. С. Усова из Н. С. Гумилева в коллекции П. Н. Лукницкого	141
Н. А. Богомолов. Анна Ахматова: лето 1927 года	145

Л. В. Хачатурян. Вертикальное зачеркивание. К творческой истории стихотворения В. В. Маяковского «Император»	152
А. В. Сысоева. Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями	159
Приложение. Военно-литературная игра ЛОКАФ 19/V/31 г.	165
Письма К. Д. Бальмонта к И. С. Шайковичу (1935–1938). Письма Е. К. Цветковской к В. П. и И. С. Шайковичам (1935) (<i>Окончание</i>) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского)	166
А. М. Грачева. Литературные мистификации А. М. Ремизова 1940-х годов	191
Переписка Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова (Андреева) 1964–1967 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. В. Матвеевой)	199
Т. С. Царькова. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева)	215
С. Н. Полторацк, А. В. Зотова. Он родом был из разных мест, или Где и когда родился Даниил Гранин	218
С. Б. Адоньева. Электронный архив «Российская повседневность»	223

ЗАМЕТКИ

О. А. Легманов. Незамеченный <i>град</i> в стихотворении Б. Л. Пастернака «Имелось»	225
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. В. Савельева. Фрол Скобеев: история и современность	226
А. Г. Гродецкая. И. С. Тургенев в центре полемики	229
М. Э. Баскина (Маликова). «Я увожу к погибшим поколениям»: «дело Бронникова»	234

ХРОНИКА

Н. А. Прозорова. Второй научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»: к 100-летию со дня рождения Д. А. Гранина	239
<u>А. М. Берёзкин</u> , М. Ю. Данилевская. Шестые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме	240
А. М. Любомудров. Научная конференция «Стиль есть душа вещей»: к 100-летию со дня кончины Василия Розанова	246
А. А. Елкина. Международная научная конференция «Зрелость как сюжет»	249
С. В. Денисенко. Шестая Апрельская междисциплинарная научная конференция «Все обманы мира: ложь в литературе и искусстве»	252
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2019 году	257
Summaries	264

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2019
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2019
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2019

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2019

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
V. I. Ieremina, T. G. Ivanova. Textology of <i>Bylinas</i> in the <i>Code of Russian Folklore</i> : Salient Features	5
D. M. Bulanin. Towards the Conception of the Academic <i>History of Russian Literature</i> (Original Ideas from V. M. Zhivov's Legacy)	16
N. P. Generalova. When and For Whom the Draft of Turgenev's «Constitution» Was Compiled (I. S. Turgenev, A. I. Herzen and Arthur Benni)	29

RELEASES AND REPORTS

A. B. Bil'd'iug, N. G. Komelina. <i>Pomor</i> Narrators and Books: Concerning the Archeographic Finds at the Winter Coast of the White Sea	52
N. Iu. Alekseeva. Observations on the Development of Russian Poetry in the Mid-18 th Century	63
N. A. Parshukova, E. A. Romanova. «After the Six-Year Separation»? (Concerning the Dating of Vladimir F. Odoevsky's <i>Travel Diary of 1847</i>)	67
S. N. Gus'kov. I. A. Goncharov, P. A. Valuev and the Most Loyal Letters Campaign of 1863	72
S. D. Snigir'ieva. The Motif of Imposture and the Sectarian Context in <i>The Possessed</i> by F. M. Dostoevsky	81
S. A. Kibal'nik. A Writer's Notebooks and the Interpretation of a Literary Work (Case Study of A. P. Chekhov)	91
N. Iu. Gr'iakalova. <i>I was imagining a Russian Venus...</i> : on the Sources and Interpretation of an Image by Blok (Based on the Data from A. A. Blok's Private Library)	95
Wang Zonghu (China). The National Factor and the Cultural Code of the Russian Avant-Garde	102
M. A. Voloshin's Newly Found Letters: on the «Poignant Friendship» with M. S. and M. O. Tseytlin (Introduction, Editing and Comments by G. V. Petrova)	107
The Ruined Existence (V. V. Rozanov and P. P. Pertsov in the Last Year of Their Correspondence) (Introduction, Editing and Comments by E. I. Goncharova)	113
S. P. Dovgello. The Three Poplars (Introduction, Editing and Comments by V. N. Bystrov)	134
V. V. Filicheva. Unpublished translations by D. S. Usov from N. S. Gumilev in the collection of P. N. Luknickij	141
N. A. Bogomolov. Anna Akhmatova: the Summer of 1927	145

L. V. Khachatryan. A Vertical Strikethrough. Concerning the Creative Background of <i>The Emperor</i> by V. V. Mayakovsky	152
A. V. Sysoieva. Emergence of the Soviet Military Propaganda in Leningrad of the Early 1930 th : the New Method of Working with Writers	159
<i>Appendix.</i> LOKAF Military and Literary Game, 19/V/31	165
K. D. Balmont's Letters to I. S. Šajković (1935–1938). E. K. Tsvetkovskaya's Letters to V. P. and I. S. Šajković (1935) (<i>Final Part</i>) (Introduction, Editing and Comments by K. M. Azadovskii)	166
A. M. Grach'iova. A. M. Remizov's Literary Mystifications of the 1940s	191
The Correspondence between G. I. Gazdanov and G. A. Khomyakov (Andreiev), 1964–1967 (Introduction, Editing and Comments by Iu. V. Matveieva)	199
T. S. Tsar'kova. Recent Contributions to the Manuscript Department, Pushkin House (Alexander Morev Foundation)	215
S. N. Poltorak, A. V. Zotova. He Came from a Variety of Places, or Where and When Daniel Granin Was Born	218
S. B. Adon'ieva. <i>Russian Everyday Life</i> E-Archive	223

NOTES

O. A. Lekmanov. The Neglected <i>Grad</i> in <i>Imelos'</i> by B. L. Pasternak	225
---	-----

REVIEWS

N. V. Savel'ieva. Frol Skobeiev: History and Modernity	226
A. G. Grodetskaia. I. S. Turgenev as the Center of Polemics	229
M. E. Baskina (Malikova). <i>I Take You Back to the Perished Generations: «The Bronnikov Case»</i>	234

NEWSREEL

N. A. Prozorova. <i>Russian Literature in the Soviet Period: the 100th Anniversary of D. A. Granin</i> Second Research Seminar	239
A. M. Ber'iozkin, M. Iu. Danilevskaia. 6 th Nekrasov Conference at Pushkin House	240
A. M. L'iubomudrov. <i>The Style is The Heart of Things. Commemorating the 100th Anniversary of the Death of Vasily Rozanov</i> Research Conference	246
A. A. Elkina. <i>Maturity as a Storyline</i> International Research Conference	249
S. V. Denisenko. <i>All the Lies of the World: Deception in Literature and Art</i> 6 th April Interdisciplinary Research Conference	252
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2019	257
Summaries	264

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSVIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN,
A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKY, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA,
M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2019
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2019
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2019

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-134-141

С. П. ДОВГЕЛЛО. ТРИ ОСОКОРЯ

**(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © В. Н. БЫСТРОВА)**

Сергей Павлович Довгелло — старший брат жены А. М. Ремизова, Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876–1943). Сведения о нем крайне скудны. Родился в 1874 году. Учился в Черниговской гимназии, которую по неустановленным причинам не сумел окончить. Жил с матерью и сестрами в родовом имении семьи Довгелло в селе Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии. С. П. Ремизова-Довгелло вспоминала о брате: «Сережа самый добрый из нас, совсем незлобивый, хороший, никому зла не сделал, его все любили, мама больше всех его любила». ¹ Дочь Ремизовых Наталья признавалась, что и она очень его любила, звала «папой». Умер Сергей Павлович от сыпного тифа в 1919 году. В повестях Ремизова «В поле блакитном» и «Оля» он стал прототипом Михаила Ильменева.

¹ *Ремизова-Довгелло С. П.* «Мои записки», записи, письма (рукой Ремизова, с его заметками и примеч.). Книга I // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 116 об.

«Три осокоря» — воспоминания С. П. Довгелло, которые хранились у Бориса Борисовича Бунича-Ремизова (1929–2016) — внука Ремизовых, сына их дочери Натальи.² Текст предваряет машинописное примечание Б. Б. Бунича-Ремизова: «Это — рукопись воспоминаний Сергея Павловича Довгелло об усадьбе, где выросли С. П. Ремизова-Довгелло и Н^{<аталья>} А^{<лексеевна>} Ремизова — я ее цитировал в своих воспоминаниях. Б. Ремизов».³

Воспоминания можно условно разделить на две части: первая касается автора, его родственников, родового поместья в Берестовце, а вторая — драматичной истории отчуждения дочери Ремизовых Наташи. О второй части следует сказать особо.

Дочь Ремизовых, Наталья Алексеевна Ремизова, родилась в апреле 1904 года в Одессе. Летом 1904 года они гостили с Наташей в Берестовце. В апреле 1905 года, по словам писателя, «во второй раз С^{<ерафима>} П^{<авловна>} повезла Наташу в Берестовец. В первый раз на все лето с тем, чтобы вернуть ее к осени в Петербург. Но это будет начало оставить ее навсегда».⁴ Они по большой нужде покидали девочку, которую в Берестовце опекали мать, сестры и брат Серафимы Павловны. Основной причиной была неустроенная жизнь родителей в Петербурге: житейские неурядицы и, главное, по выражению Ремизова, «вопиющая бедность». Разлука затянулась. Бездетные родственники все больше привязывались к девочке, а она привыкала к ним. В письме к Н. В. Кодрянской от 9 августа 1947 года Ремизов вспоминал: «Когда она (Наташа. — В. Б.) жила с нами, моя была полная воля, да и у бабушки с тетками первое время я встречался. Но потом все кончилось: были годы ужасные, когда она меня стеснялась, все мои слова, все мое не подходило к тому, что она слушала от любимых теток, беззаветно полюбивших ее».⁵ Резкий разрыв произошел, когда Серафима Павловна однажды «приехала в Берестовец одна, она привезла Наташе куклу. Кукла не понравилась избалованной девочке, она отвернулась от подарка и от матери. С. П. приняла очень близко к сердцу движение девочки и со свойственной ей горячностью заявила, что у нее нет больше дочери. Она вернулась в Петербург одна, в слезах».⁶ 9 июля 1917 года (дочери было 13 лет) Ремизовы в Берестовце в последний раз видели Наташу. Н. В. Резникова свидетельствовала: «Тем, кто знал Ремизовых в эмиграции, не совсем понятно, как такие волевые и сильные характером люди, какими были А^{<лексей>} М^{<ихайлович>} и С^{<ерафима>} П^{<авловна>}, жизненное правило которых было „жить по своей воле“, могли позволить отнять у них ребенка».⁷ В этой непростой истории многое переплелось, и далеко не все зависело только от родителей, стремившихся вернуть Наташу к себе.

Б. Б. Бунич-Ремизов утверждал: «Не подлежит, как мне представляется, сомнению тот факт, что А^{<лексей>} М^{<ихайлович>} был намного более нежным отцом, чем С^{<ерафима>} П^{<авловна>} — любящей матерью»; «...насколько именно она, а не только А^{<лексей>} М^{<ихайлович>}, хотела забрать дочь к себе — вопрос, на который, думается, однозначного ответа быть не может».⁸

Не слишком ли категоричен был Борис Борисович в своих суждениях? Сергей Павлович Довгелло в таких случаях предостерегал: «Мне всегда становится больно, если кто дурно отзываяется о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери,

² См. о нем: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15: В розовом блеске. С. 827–828 (комм. А. М. Грачевой).

³ Имеются в виду следующие мемуары: Бунич-Ремизов Б. Б. 1) Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272; 2) Родные и близкие С. П. Ремизовой-Довгелло в посвященных ее жизни произведениях А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Салерно, 2003. С. 367–372.

⁴ Цит. по: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № IX. С. 443.

⁵ Цит. по: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 195.

⁶ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 70.

⁷ Там же.

⁸ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 268, 270.

но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего».

Примечательно, что в конце апреля 1905 года Ремизов убеждал жену в своем послании из Петербурга в Берестовец: «Послушай меня, тут Натуся здоровенькой не станет, ишь, холода какие! Пусть проживет лето, а на осень домой». Позднее он признался: «Когда я писал, я чувствовал, что на шею — петля, но что я мог написать?»⁹

В апреле 1909 года, когда Наташе было пять лет, Серафима Павловна сокрушалась в дневниковой заметке: «О трех вещах я страшно жалею. Первая вещь — это когда девочку отвезла к своим родственникам. Я помню, мы уже решили ее отвезти перед Пасхой, завтра поедем; я целую ночь не спала и все плакала, плакала, будто чувствовала, что потом будет. И не повезли. А потом через неделю, уже после Пасхи, повезли. Теперь, когда я думаю и решаю, можно ли отвозить детей, если бедность такая, как у нас была, думаю, можно, только к родственникам по духу, к людям, понимающим хоть что-нибудь в твоём. А мои родственники для меня дальше и чужее всех встречных. Там, при встрече с первым попавшимся человеком, есть надежда, что, может, и не чужой будет, а тут все известно, и они воображают, что меня знают, и сами обо мне никакого понятия не имеют. Я думаю, что мое самое страшное несчастье — мои родственники. И им-то пришлось отвезти мою дочь. Мне бы было легче, если бы она тогда умерла, чем то, что теперь получилось».¹⁰ Ремизов отметил по поводу этого признания жены: «Горькие слова о роде — ожесточение разлученной матери. Эта горечь проникает всякую память и глушит всякое чувство, остается одно режущее и резкое — безысходное».¹¹

О непростых взаимоотношениях с родными свидетельствует и запись Серафимы Павловны от 6 февраля 1916 года: «Когда у меня моего ребенка отняли мои родственники, т. е. мои 2 сестры, мой брат и даже моя мама, я очень тогда страдала, ночи не спала, плакала, томилась. А теперь не мучаюсь этим. Бог с ними, Бог им судья. Я как-то много из-за этого факта поняла: я поняла, что любовь настоящая — это когда знаешь человека и любишь его, и еще больше можешь любить и узнавать, и для него любишь, не только для себя, а для него. А наверно есть такая любовь, когда любят только для него, и эта любовь — самая высокая. Так вот я поняла окончательно то, что и раньше понимала, только не окончательно, то, что нет у меня родных, они ни меня, ни жизни моей не знают и не понимают и не любят меня, конечно, да и нельзя любить того, кого совсем не знаешь, оттого так легко отняли у меня ребенка, и еще оттого, что не думают и не умеют думать по правде ни о себе самих, ни о мире, ни о другом человеке. В сущности, это — люди страшные, но таких людей большинство, только исключения не такие».¹²

В романе «В розовом блеске» (гл. «Слепая любовь»)¹³ Ремизов пересказал историю Серафимы Павловны, повествуя о жизни подруги Оли Ильменевой Зины Рашевской, родственники которой лишили ее сына Миши: «И было твердое решение: настанет лето, поехать в деревню к матери и взять Мишу, несмотря ни на что. Но всякий раз, как Зина хотела взять Мишу, ее уж не уговаривали, а грозили смертью матери, что мать не вынесет — „и без того из-за тебя много страдала!“, и все делалось, чтобы помешать... <...> А когда мать захворала, нашелся новый предлог: Мишу не отдавали — „потому что мать скоро умрет“ — „и пусть Миша будет ей последним утешением“. И никто не подумал... да Зине легче было бы, если бы даже помер Миша: ей

⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. С. 453.

¹⁰ Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 116, 117.

¹¹ Там же. Л. 116 об.

¹² Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга V // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 5–6. Ср. также ее запись от 24 июня 1917 года: «Да, мои родственники ничего не понимают, что они сделали по отношению ко мне. Совести у них нет, иначе нельзя сказать. <...> Я знаю, что надо, чтобы мои родственники проснулись от глубокого сна, очнулись бы. Потому что, если бы они очнулись, они бы прежде всего поняли, какое зло мне сделали, а потом бы, какое зло они делают Наташе» (Там же. Л. 11).

¹³ Отдельно впервые опубли.: Последние новости (Париж). 1934. 11 авг. № 4687. С. 2.

невыносимо мучительно приезжать было в деревню и видеть Мишу — Миша чуждался ее. <...> Миша был совсем чужой, за годы его научили быть чужим...»¹⁴

Жизнь Натальи Алексеевны Ремизовой после расставания с родителями складывалась непросто. После окончания киевской гимназии она училась на историко-филологическом факультете Киевского университета. Затем преподавала в школе русский и украинский язык и литературу. Б. Б. Бунич-Ремизов писал о матери: «...в связи с тем, что ее страшно баловали и вконец избаловали слепо любившие ее тетушки, которые заменили ей мать (особенно Лидия Павловна), — она была нелегким человеком, <...> очень вспыльчивой, резкой, что во многом объяснялось также и неустроенной личной жизнью: мама была три раза замужем <браки официально не регистрировались. — В. Б.>, но прожила свои годы фактически без настоящей семьи».¹⁵ Умерла Н. А. Ремизова от сердечной недостаточности во время оккупации немцами Киева 30 октября 1943 года. По свидетельству Б. Б. Бунича-Ремизова, похоронена «на киевском Лукьяновском кладбище в одной могиле — по ее желанию — с ее любимым дядей Сергеем Павловичем».¹⁶

Мемуары С. П. Довгелло, при всей своей краткости, ценны тем, что являются достоверным документальным дополнением к произведениям Ремизова, посвященным С. П. Ремизовой-Довгелло: «В поле блакитном» (Берлин: Огоньки, 1922), «Оля» (Париж: Вол, 1927), «В розовом блеске» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952). Они значимы еще и потому, что многие реалии были художественно переосмыслены, отчасти мифологизированы писателем.

Воспоминания представляют собой текст на шести страницах большого формата, написанный рукой С. П. Довгелло; подпись и дата отсутствуют. Некоторые фрагменты ранее были опубликованы.¹⁷ Хранится: ИРЛИ. Архив А. М. Ремизова. Ф. 256 — и публикуется полностью по этому автографу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. П. Довгелло

Три осокоря¹ (по Борису Лазаревскому «Три тополя»)²

Это была средняя усадьба, довольно-таки запущенная.³ Она никогда до конца не приводилась в порядок. Дом, выстроенный более 40 лет <назад>, стоит незаконченным, так в нем живут и умирают. Я помню, несколько раз делали в усадьбе изгородь, но новую делали не сразу, а по частям. Не помню ни одной весны и осени, чтобы в эту усадьбу не заходили чужие свиньи и лошади через поломанную изгородь. Изгородь сильно портили и соседи.

В этой запущенной усадьбе есть три величественных осокоря, которые видно издали, откуда бы вы ни подъезжали к селу. Они имеют несколько обхватов в окружности и самые высокие деревья в округности. Старуха баба Татьяна⁴ говорила, что когда она была молодой и спрашивала у старых людей, давно ли стали такими большими осокори, то ей отвечали: сколько помним себя, всё они такие. Есть еще громадная груша «Трубка», вероятно, тоже чуть не сверстница осокорям, да несколько старых верб. Больше ничего нет замечательного в этой усадьбе. Сад плох и запущен.⁵

Над усадьбой с тремя осокорями висит какое-то проклятие.⁶ Не знаю, с какого времени оно висит, но знаю, что со времен дедушки моего оно существует.

¹⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 458–459.

¹⁵ Цит. по: Резникова Н. Огненная память. С. 87–88.

¹⁶ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 269; Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 751, 817.

Дедушки своего я не помню: он умер до появления моего на свет.⁷ Бабушку помню: это была маленькая, худенькая старушка.⁸ К ней мы относились довольно холодно и побаивались совсем не так, как бабушки со стороны матери.⁹ Говорят, что дед и баба жили дружно и счастливо сначала, несмотря на то, что у дедушки, говорят, был вспыльчивый и даже, кажется, злой характер. Не знаю, была ли бабушка счастлива своими детьми, м<ожет> <быть> и да, но некоторых из них ей пришлось лишиться уже взрослыми, кажется, два умерли от чахотки, причем один простудился, возвращаясь в Петербурге после бала, где у него утащили калоши.¹⁰ Дедушка причинил бабушке сильное горе: он зарезался бритвой, не то в припадке белой горячки, не то рассердившись на что-то.¹¹ А потом немало горя перенесла бабушка, когда заболел мой отец психическим расстройством.¹²

Своих отца и мать я знаю хорошо. Вначале, говорят, жили дружно, счастливо и обладали приличными средствами. Потом отец заболел, его лечили в Чер<ниговском> Псих<иатрическом> Отд<елении>. Мы тогда были маленькие, но я помню, когда мы возвращались вместе с отцом из Чернигова на почтовых лошадях. Ехали хорошо до последней станции, а выехав с последней ст<анции>, отец начал придирается к ямщику, что он не так правит, побил его, прогнал с козел и правил уже сам. Ехали мы очень быстро, помню, моя мамочка всё крестилась и просила Бога спасти нас. Я помню разговор, что отца отпустили из лечебницы не поправившись. Дело, кажется, было так. Отец был знаком и даже приятелем старшего врача больницы Демидовича. Когда отец лечился, то бывал и на дому в гостях у врача. Уходил ли отец сам часто в город, не знаю, но раз ушел и устроил какой-то скандал. Доктор опасался ответственности за то, что больные уходят из больницы, телеграфировал маме, что отец поправился и что его надо домой взять. Из болезни отца я помню массу битых стекол в зале, кажется, от бутылок, и слова: «Это деньги».¹³ В доме, благодаря больному отцу, у нас были нелады: хозяйство запущено, в средствах нуждались, несмотря на то, что средства, собственно, были довольно порядочные. Крестьяне раскрадывали днем и ночью лес, и когда кто-нибудь из знакомых говорил об этом отцу и указывал на воров, отец страшно злился на сообщающего и говорил: «Не вводите меня в искушение. Они принимают на себя мои грехи».

Мама моя всю жизнь стремилась дать образование детям и жить... в том городе, где они учатся, но так и не переехала, хотя имела и свои средства ввиду участка земли. Сколько всегда было слез при расставании, и мамочка говорила: на следующий год уже продам землю и перееду. Так бедная и просидела всю жизнь в усадьбе.

Я учился плохо, и маленьким не знал, чего мне просить у Бога: чтобы учиться хорошо или чтобы выгнали из гимназии. Мне сильно было жаль маму и страшно за нее, что она живет вместе с папой, и хотелось быть возле ее: мне казалось, что папа может что-нибудь сделать маме, а я, если б был дома, спас бы маму. Меня в конце концов выставили-таки из гимназии и, правду сказать, не столько за плохое учение, как физиономия моя не понравилась вновь назначенному инспектору Антошину. Исключение из гимназии причинило большое горе моей маме.

<В> 1894 г<оду> отец мой вновь заболел психическим расстройством в буйной форме; дома проболел месяца 2–3 и умер.¹⁴ Начали жить в усадьбе я и мама, а сестры только приезжали. Жили бедно, но дружили. Потом жила младшая моя сестра.¹⁵ Чуть-чуть начали поправляться обстоятельства, мамочка всё мечтала пол исправить, откуда зимой немилосердно дуло, мечта эта сбылась лишь незадолго до маминой смерти.

Маму и нас постигло большое несчастье: ехала мама в церковь говеть на санях и сломала ногу. Нога потом срослась, но через некоторое время мама перестала ходить. Возили в лечебницу к Дейчу,¹⁶ не помогло.

В усадьбе с тремя осокорями то чуть-чуть начнет счастье улыбаться, то опять придавит. Когда я был еще маленьким, у меня был приятель хлопец Кирилло. Раз играл он и говорит: «Плоха Ваша жизнь, паньчу, дид Ваш здурив и батько здурив и Вы здурите...»

Со мной случилось страшное, кошмарное горе, и опять-таки отчасти оно связано с поездкой в усадьбу с тремя осокорями.¹⁷

В усадьбе с тремя осокорями начало жить и четвертое поколение в лице моей дорогой племянницы Наташи. Я не могу сказать, чтобы жизнь деточки протекала счастливо. Ее любили и баловали все окружающие: бабушка, тетки и я. Но мать и отец жили от нее отдельно. Ее оставили на короткое время в деревне у бабушки; бабушка, мать моей сестры, болезненно привязалась к девочке, настолько болезненно, что, по заключению врача, разлука с девочкой грозила смертью моей матери. Сестра волея-неволей откладывала каждый раз на короткое время разлуку. Это создало атмосферу особого страха, страха приезда сестры в усадьбу. Девочка всё больше привязывалась к домашним и всё больше отвыкала от родителей и всегда сильно волновалась перед приездом и во время пребывания сестры в усадьбе. Она облегченно вздыхала, когда уезжала сестра: опасения, что ее заберут, не оправдались. Не знаю, что чувствует Наташа к своей матери, думаю, что теперь ничего, хотя ей и внушали, что надо любить маму и папу. Она от них отвыкла.¹⁸ Я наверное только знаю, что Натуся не имеет того представления о матери, не испытывает тех переживаний, связанных с этим словом так, как мы. Для меня самое святое слово на свете: мать. Мне всегда становится больно, если кто дурно отзывается о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери, но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего. Оно есть — это хорошее, только слишком на него много дурного набросано.

Я очень люблю Наташу, хотелось, чтобы она перестала любить усадьбу с тремя осокорями: я боюсь, что и ее постигнет в ней какое-нибудь несчастье. Как уберечь от этого? Или от судьбы не уйдешь? Хотел бы где-нибудь купить усадьбу, как игрушечку, чтобы к ней привязалась Натуся, а с тремя осокорями продать и дорожку замести, чтобы никто и не ездил.

¹ Осокорь — тополь черный из семейства ивовых, с мягкой древесиной и с серой, чернеющей корой; высота дерева достигает 35 м; возраст — до 300 лет и больше. Осокори в усадьбе Довгелло неоднократно упоминаются в повести Ремизова.

² Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — писатель, публицист. С 1920 года жил в эмиграции. «Три тополя» — название рассказа и одного из сборников прозы Б. А. Лазаревского.

³ Подразумевается имение семьи Довгелло в селе Берестовец. В повестях село называется Ватагино.

⁴ Имеется в виду многолетняя нянька Татьяна в семье Довгелло. В повестях она явилась прототипом няньки Фатевны.

⁵ Ср. разительный контраст в описании усадьбы в повестях: «Богат Ильменевский дом, белыми башнями глядит он за просторные поля в широкую степь, пышно дедовское убранство — почерневшее серебро и тусклое золото, дорогой бархат и бесшумные рытые ковры, поблекшие амуры и цветы на потолке, тяжелые люстры, зеркала, старые портреты в гостиной, в диванных, в портретной — крепки стены, и земля под ними крепка — насиженное место, а узорные бронзовые часы на камине, не уставая, вот уж века, отбивают звонко минуты»; «Старый с белыми башнями Ильменевский дом бывал иллюминирован — на прудах подвижные острова и плавучие вензеля, в саду освещенные аллеи, фейерверки, ракеты, музыка» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10, 9).

⁶ Ср. в записи С. П. Ремизовой-Довгелло под названием «Слепая любовь»: «Над этой семьей тяготел рок» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга VI // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 292. Л. 68). Отца Оли Ильменевой преследовала навязчивая мысль: «— В доме мира нет, погибнет дом! — нередко говорил Александр Павлович» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 11).

⁷ Речь идет об Иване Михайловиче Довгелло, дедушке С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повестях он послужил прототипом Павла Петровича Ильменева.

⁸ Имеется в виду Анна Ефимовна Довгелло (урожд. Ковалевская) — бабушка С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повести — прототип Анны Михайловны Ильменевой.

⁹ Речь идет о бабушке со стороны матери Марии Михайловне Самойлович (Ратьковой). С. П. Ремизова-Довгелло писала о ней: «...я думаю, что лучше всех меня понимала бабушка <...> я это как-то чувствовала, что бабушка знает, какая я» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 60). Мать Сергея и Серафимы Довгелло — Александра Никитична Довгелло (урожд. Самойлович; 1846–1917); в повестях — прототип Натальи Ивановны Ильменевой.

¹⁰ Подразумевается Афанасий Иванович Довгелло (1821–1845), брат П. И. Довгелло, дядя Серафимы Павловны; в повестях является прототипом Василия Павловича Ильменева. По словам Ремизова, он легок, не выдержав «петербургского климата»: «ранняя смерть от плеврита после воспаления легких» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 591). Ср. в главе «Жаркое лето»: «...а Василий Павлович — и Ильменев, а умудрился и от чахотки помер» (Там же. С. 78).

¹¹ С. П. Довгелло касается трагического эпизода, о котором одной фразой говорится в главе «Таинственный зайчик»: «И еще рассказывает бабушка, как страшно умер дедушка Павел Петрович — зарезался!» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 15). И. М. Довгелло страдал психическим расстройством. Об этой болезни его жена Анна Ефимовна писала сыну Афанасию: «Болезнь его непостижима: он всегда печален, задумчив, не любит ни с кем ничего говорить, нигде бывать, некого к себе принимать, говорит, что для его нет ничего милого и занимательного; и всегда всем говорит, что для его жизнь несносна, его всякая малость беспокоит и тревожит, он очень мало спит, аппетит имеет умеренной, не чувствует не какой боли, не какой слабости, всегда всем говорит, что он здоров. Вот я тебе и описала в точности его несчастную болезнь» (Там же. С. 594). Этот фрагмент близко к тексту воспроизведен в повести в описании болезни дедушки Павла Петровича (Там же. С. 15).

¹² Отец Сергея и Серафимы Довгелло — Павел Иванович Довгелло (?–1895); в повестях он послужил прообразом Александра Павловича Ильменева. Подробности, о которых пишет далее С. П. Довгелло, в произведениях отсутствуют. В данном случае его свидетельства об отце являются уникальными.

¹³ Ср. в одном из эпизодов повести: «Было одно, что никак не мог выносить Александр Павлович, — деньги. И всякий раз, когда речь заходила о деньгах, он менялся весь, вставал и уходил. / Однажды, получив очень крупную сумму, — рассказывали, что это какие-то деньги, которые давным-давно следовало ему получить за крестьянскую землю, — он вернулся из города, положил эти деньги на стол и упал» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10).

¹⁴ О смерти отца Серафима Павловна, со слов родных, писала: «Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Иванович] опять „сошел с ума“. Поводом послужил начатый процесс против него со стороны его сестры [Наталья Ивановна Василенко] из-за ее части <имения>, которую он будто бы ей не отдал. <...> Ал<ександр> П<авлович> <...> получил повестку из суда и почувствовал себя дурно. / „Гонят меня из моего дому!“ — так сказалось у него и выговорилось. А потом он стал кричать. <...> В его выкриках можно было различить: он кричал, что дети не его, и только одна Оля — его дочь. / Три недели он так мучился. И решили опять везти в Покидош (Чернигов) в сумасшедший дом, и вдруг у него отнялись ноги, потом руки, и потом язык. И так три дня — затих и заснул и больше не проснулся» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга III // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 5).

¹⁵ Имеется в виду Лидия Павловна Довгелло (1879–1943), сестра С. П. Ремизовой-Довгелло; в повестях прототип Лены Ильменевой.

¹⁶ Дейч Иосиф Яковлевич (1857–1928) — врач-физиотерапевт, основатель Киевской водолечебницы. Его сын А. И. Дейч отмечал: «Отец, известный в Киеве врач-новатор, доктор медицины, физиотерапевт, прошедший специальный курс в Венском университете...» (Дейч А. И. Арабески времени // Звезда. 1968. № 12. С. 184). В 1911 году в санатории доктора проходила лечение мать С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло А. Н. Довгелло. Ср. в мемуарах А. И. Дейча: «Оказалось, что в санатории отца находится на излечении мать жены писателя, Серафимы Павловны Довгелло. Старуха лежала довольно долго в отдельной палате с тяжелым заболеванием — суставным ревматизмом. Серафима Павловна и дочь их — семилетняя Наташа часто навещали большую...» (Там же. С. 190). См. также: Резникова Н. Огненная память. С. 69.

¹⁷ Об этом несчастье С. П. Довгелло нам неизвестно.

¹⁸ Эту драматичную историю С. П. Ремизова-Довгелло так изложила в своей мемуарной записи, которая затем легла в основу главы «Слепая любовь» в романе «В розовом блеске»: «<...> Над этой семьей тяготел рок. Все знали, что муж и жена живут между собою плохо, не дружно — это все знали кругом. А дети не понимали, словами не говорили, но дети бывали веселы только тогда, когда кто-либо один был дома: или папа, или мама. Тогда дети чувствовали свободу, мир. <...> Оля вышла замуж против воли мамы и всех родных. Оля очень бедная. У Оли дочь Наташа. Летом Оля отвезла Наташу к маме в Берестовец [Ватагино] подышать свежим воздухом, а не томиться бы в Петербурге, где и душно, и насчет еды плохо. Они очень бедно жили. / Оля отвезла Наташу к маме, а назад взять уже не может, не отдают, привязались к ребенку: в их скучной безрадостной жизни Наташа — свет. / Оля мучается, не улыбнется, как прежде. Но всякий раз, когда она хочет взять Наташу, ей грозят, что мама умрет, и так из-за Оли много страдала, что мама не вынесет. / А потом, когда мама стала болеть, Оле говорят, что мама скоро умрет, пусть ей Наташа будет последней утеша. / Никто не думает об Оле, что она — мать, что ей было бы легче, если бы ее Наташа умерла, была бы у Бога, чем то, что теперь — Наташа ей чужая. Оле легче не приезжать в дом, в Берестовец [Ватагино], не видеть Наташу, чем видеть ее чужой. / Умерла мама. Кажется, теперь бы можно было вернуть Наташу, но Оля поняла, что

Наташа совсем чужая, что ее научили быть чужой. <...> брат Сережа [Миша], он самый добрый, он с детства с Олей всегда вместе, и даже ночью, когда Оля не спала, он с нею, бывало, не спит, Сережа [Миша] не отдает Наташу, а ведь любит Олю. И никто не заступился» (*Ремизова-Довгелло С. П.* «Мои записки», записи, письма... Книга VI. Л. 68, 71, 72). См. об этом также: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2019. № 1. С. 91–92.